

Люди и меха

В захолустном городишке на Урале, где я служил лесничим, перед революцией цена на лисью шкурку стояла рублей в 15—20.

Придет охотник прямо из лесу и предлагает купить целиком свежее убитую лисицу. Снять шкурку, если угодно, можно тут же на дворе. Это ничего не стоит. А возни со снятием шкурки часа на два с лишком, да пачкотня какая. Не нужна лисица? Жалко, придется скупщику нести, тот прижмет, дешевле даст.

Случалось, что я отказывался взять лисицу за 15 р., а на другой день видел ту же лисицу в лавке, где за нее просили уже 30. За сколько покупал ее лавочник я, конечно, узнать не мог: цену сделки упорно скрывали и жулик-покупатель и вынужденный продавец.

Однажды приходит ко мне приятель Иван Чимуразов, вогул, не раз водивший меня по лесам, и приносит лисицу: крупную, темно-рыжую с густой черной полосой вдоль всей спины.

Редкой красоты мех. Чимуразов просил за него 50 рублей. Я полюбовался, но не купил.

Через два дня в лавке на той же замечательной шкурке висел билетик: цена 200 рублей.

А спустя неделю ко мне заехал местный лесопромышленник и, кончив деловой разговор, похвастался, что дешево купил удивительную лисицу. Вот она в санях у него лежит. Я узнал добычу Чимуразова и рассказал, как он продавал ее за полсотни рублей.

— Маху дали, — торжествовал лесопромышленник, — тут нажить здорово можно. Я купил за 200, продам за 500.

— Да ведь вы лесом торгуете, а не мехом?

— Ничего. Все равно, чем сделать деньги.

Он увез лисицу в Пермь. На расспросы, сколько он нажил, оборотливый торговец отделялся шуточками:

— Не продешевил, будьте покойны. Кое-что клюнул. Осталось детишкам на молочишко, хе, хе, хе.

Так и не сказал сумму. Но в большом меховом магазине, как я узнал потом, агент американской фирмы уплатил за эту лисицу тысячу пятьсот рублей.

Когда я рассказал все это Чимуразову, он выругался, вздохнул и плюнул:

— Вон для кого работал, для купцов. А я за этим лисом два года ходил.

— Не может быть.

— Почему не можно? Верно говорю. Такой спины больше ни у одной лисы не было. Заметный лис, старый, хитрый. Приманку не берет, к себе не пускает. Всю зиму следил, стрелял сколько раз, нет, никак достать не могу. Вторую зиму опять то же. Постой. Я птичку приморозил на кусте, так, будто сама замерзла птичка. Взял лис. Я другую птичку повесил, третью. Треплет, ест. Весь день караулил, целую ночь полз. Потихоньку надо: хитрый зверь, далеко слышит, видит, чуть заметит, убежит... Подстерег. Вижу, лазит лис около куста. А птичка нарочно повыше привязана. Встал лис на задние лапы, теребит птичку; занялся, кругом не смотрит, тут я ему в ухо — хлоп! Готово. Восемьдесят рублей заработал. Обмерз весь, чуть не сдох. А в лавке тепло считать тысячи. Тьфу!

Охотники за пушниной часто проводят в снегу на морозе без костра, ползком, целые сутки.

Добыть куницу еще трудней, чем самого хитрого лиса.

След куницы по снегу чутьем отыскивает собака, но этот след часто прерывается. Куница от собаки вспрыгивает на дерево и затаивается. Собака перестает ее

чуять, но если увидела, то прыгает около дерева, лает, визжит.

Охотник спешит к тому месту изо всех сил.

Поспеет во-время—дело куницы плохо, она попадает под выстрел. Но часто случается, что стрелок запаздывает. Собака попрыгает, попрыгает, полает да и замолчит, ляжет, займется на минутку какими-нибудь другими делами. Тогда хитрый зверек перепрыгивает на соседнее дерево и удирает.

Однажды я пошел с тремя охотниками за куницами. Весь день мы шмыгали лыжами, нашли только куньи следы, куниц не видали.

Тяжкой показалась мне длинная зимняя ночь в снежном сугробе.

Костер пылал ярко. Но я замерзал, думал, что не доживу до утра.

Прятели мои смеялись. По их словам, погода стояла мягкая, градусов 15 мороза без ветра,—лучше и желать нельзя.

На следующий день мне пришлось увидеть, как меткий выстрел свалил куницу в тот миг, когда она прыгнула, едва стряхнув снег, с покачнувшейся ветки. Я ушел домой.

Охотники вернулись через две недели с такими опухшими, потрескавшимися лицами, что на них страшно было смотреть. Мороз за это время усилился, не раз принимался дуть ветер.

Они долго опомниться не могли от своего похода.

Попарится в бане, поест и молча спать.

Суток через трое стали разговаривать. Здорово досталось. Добычу свою они считали не плохой. Каждый принес по кунице и по полсотне белок. Значит, за кунью шкурку 30 рублей и за белку 1 р. 50 к.

— За одну?

— Нет, за всех, за пятьдесят. Беличья шкурка тогда ценилась в три копейки.

В тех краях тогда же мне показывали местного мехового „короля“. Именье этого мехового вогула называлось

Сартынья, десять домиков, затерянных в лесной глуши. Что находилось за Сартыньей, неизвестно, но от Сартыньи до крайней на севере телеграфной станции считалось 700 верст.

Считали эти версты олени. Да, оленье упряжка пробегает в день 100 верст. От Сартыньи до телеграфа на оленях ехали семь дней: значит, 700 верст.

Владелец этого замечательного поместья покупал белки в год на 200.000 рублей. Он за мех предлагал деньги тем, кто этого хотел.

Но для чего деньги в лесу.

Не у всякого есть олени скакать неделю куда-то за покупками.

Гораздо проще и как-будто даже выгоднее взять все, что нужно, тут же в Сартынье.

А „король“ услужливо заготовил все, начиная с ружья с зарядами и кончая иголкой с ниткой. Товар с изысками, он куплен по дешевке. Другого Сартынья не дает. При продаже на товар, значит, накидочки.

Лесной человек вынужден был брать дрянь за первый сорт, втридорога. Добыча же его, доставшаяся тяжкими лишениями, тратой сил, потерей здоровья, пушнина при расчете расценивалась на копейки. Тут, значит, скидочка. Двойная выгода продавцу уже обеспечена.

Пушистая одежда белок доставляла меховому королю Сартыньи годовой оборот его торговли.

Свое поместье и меховое дело „король“ унаследовал от отца. Десятки лет действовали кровопийцы Сартыньи. Обмер, обвес, всякие обманы и мошенничества тянули каждую шкурку.

Даже страшно представить ту уйму меха, что вытянула Сартынья из тайги, казавшейся бездонной.

Не одна была Сартынья. Тысячи хищников вились по глухим тропам лесов, богатых пушным зверьем.

Они налетали в дебри, на становища охотников.

Нарты, свои узкие сани, сквозь чащу отказывается протащить олень. Тогда хищник верхом усаживается на

рогача, на другого кладет вьюк и проникает, куда ему надо.

У охотничьего костра соблазнительно раскрывается вьюк. Там множество разных разностей и — главное — спирт.

Жгучая жидкость бодрит, обманчиво-тешит пьяной грезой, заставляет хоть ненадолго забывать темную, жалкую, тяжкую жизнь. За такое сокровище, за бутылку такого напитка, бывало, в Баргузинской тайге отдавали соболя, не только куницу.

Не исчислить, какие горы великолепных мехов по грошевой расценке вытащили в течение сотни лет пронырливые торгаши из сибирской тайги, с горных хребтов Урала, из лесов северного края.

Торгаш ловил пушнину как самый выгодный товар.

Задавленный нуждой, невежественный лесной человек в пушистой покрывке зверя видел также самый выгодный товар.

Заработков нет, мерзлая земля не дает хлеба котла, ножа самому не сделать никак. А за мех получай множество разных вещей, порох, дробь, такие „лакомства“, как сахар, табак, водка.

Бедняк шел в лес и, не щадя себя, добывал звериных шкур насколько у него хватало сил.

О какой-либо охране зверя не думал никто. Истребление шло скорей, чем зверье успевало народиться. Опустели необозримо-великие угодья. Почти исчезли соболя, редкостью стали куницы. Обыкновенная лисица больше не попадает на каждом поле. Не является бесчисленными станицами белка. Пришел в упадок пушной промысел.

До революции лесной человек, в каком бы лесу он ни жил — обдор, ламут, карагасс, тунгус — все равно — даже в законе носил презрительное название инородца.

Подать с инородцев именовалась ясак и взималась мехом.

Считалось, что у инородцев, кроме меха, ничего нет, да ничего им и не нужно, даже простой грамотности.

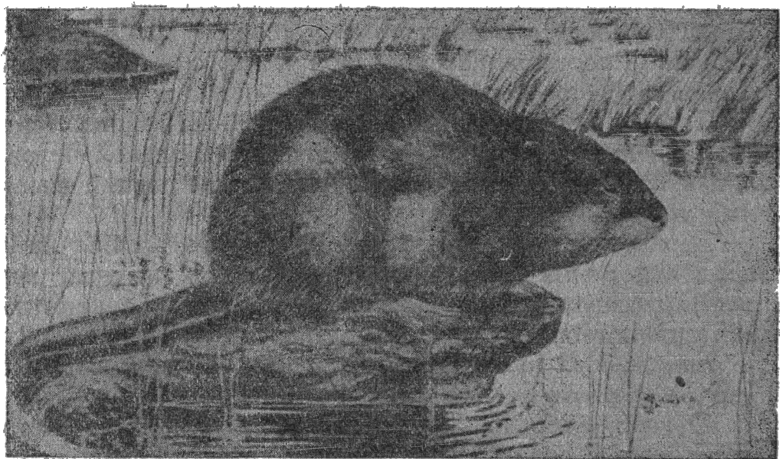
Пусть шатаются по лесам и добывают пушнину. А вымрут — не беда, это никого не огорчало.

Такому положению Октябрьская революция положила конец навсегда.

Теперь обитатель лесных захолуствий — полноправный гражданин СССР.

Новая жизнь приходит в самые дикие дебри.

Там, где раскрашенный, обвешанный перьями и звериными когтями шаман с воем колотил в бубен над больным, уверяя, что это его лечит, там во всеоружии

1. Ондатра сидит на пне в болоте.

научных знаний отряды врачей ведут борьбу с болезнями. Там строятся больницы, школы, исследовательские станции.

Разбросанно и беспомощно бродившие по тайге за зверем охотники объединяются в колхозы охотничьи, рыболовные, земледельческие.

Их обучают, как победить вечную мерзлоту почвы, как справиться с суровостью климата. Им показывают неслыханные ими способы заготовки рыбы, дичи.

Помимо охоты, этого когда-то единственного способа жить, возникают заработки для лесного человека.

Культурное охотничье хозяйство становится на место диких промыслов, случайные неудачи сменяет планомерная добыча мяса, пуха от полудомашних птиц, меха от четвероногих, также состоящих на учете и подкормке.

Положен конец хищническому истреблению пушного зверя. Устраиваются заповедники, где на свободе в огромных урочищах не тревожимое никем в течение ряда лет расплодится зверье. Например, Баргузинский заповедник для соболей обнимает площадь в 200.000 кв. км. Есть заповедники оленей, птичьих, рыбьи.

Серебристо-черные лисицы, привезенные из-за океана, разводятся на фермах, белоснежные и голубые песцы на почти необитаемых островах.

На подмогу к начавшим исчезать беличьим стаям выдвигаются новые зверьки также в пушистой шубке, но более уживчивые в неволе, чем бродяга-белка.

Среди этих пушных новинок — ондатра, мускусная крыса начинает завоевывать одно из первых мест.

Что за крыса?

— Завтра пойдем в гости к крысам, — сказал мне как-то приятель. — Надевай с утра высокие сапоги. Поедем на лодке через озеро, в лес, по болотам будем бродить. Там они живут.

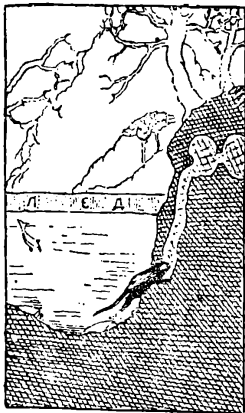
Я обрадовался. Меня давно уже интересовала ондатра и мне хотелось понаблюдать ее в жизни.

Живой ондатры до тех пор я не видел, но по книгам хорошо ее знал.

На ее родине в Канаде ондатру зовут мускрат, т. е. мускусная крыса: у нее около хвоста, покрытого мелкой чешуей, две железки, выделяющие остро пахнущее вещество — мускус.

Но дело, конечно, не в запахе, а в мехе.

Темно-коричневая шерсть крысы плотна и тепла. Вода с нее скатывается, не смачивая коротких густых волосков.

Крыса очень часто плавает и ныряет, больше живет в воде, чем на суше. Зимой, спрыгнув в дырку на льду, крыса плавает иногда довольно далеко под ледяным потолком до другой отдушины и там вылезает, даже не отряхиваясь. Не всякая шубка так непроницаема для ледяных капель.

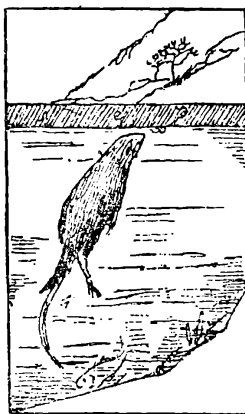
За границей давно оценили достоинства ондатрового меха. его теплоту, прочность, плотность, красоту. В меховой торговле САСШ мусkrat занимает первое место. Там шкурки ондатры добывают до 20 миллионов в год.

Ондатра лучше всего живет в болотах сурового севера среди холодной грязи непролазных для человека трющоб.

Переселенная в более теплую местность северная крыса скоро вырождается и мельчает, а главное утрачивает ценные качества меха: ее шерсть светлеет, становится дряблой, взъерошивается. Облезлая рыжая крыса не стоит ничего.

Но мерзлый пустырь, заселенный ондатрой в темнobleстящей шубке, приносит поразительный доход. С болотистой пустоши в 500 га можно взять в год 5000 отборных шкурок, т. е. выручить 10.000 рублей.

А хлопот с ондатрой не много. Она размножается быстро, принося два раза в год по подюжине дeтенышей.

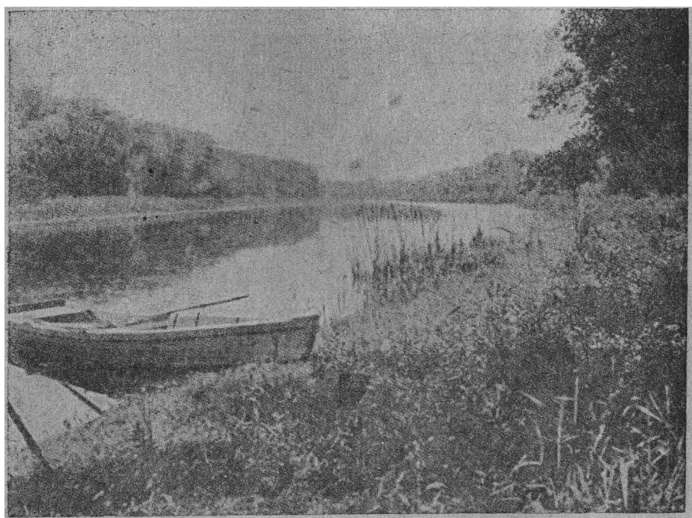

Ондатра подо льдом.

Просторное жилье

Если взглянуть на карту СССР, на северную полосу, то легко убедиться, что пустынных холодных болот, вполне пригодных для поселения ондатры, у нас очень много, пожалуй, чересчур, много.

По берегам Онеги, Северной Двины, Печоры, Оби, Енисея, Лены, Колымы тянутся равнины, залитые водой иногда обильно, не просыхающие вполне никогда. Там

Болота и берега рек лучшая „жилплощадь“ для ондатры.

лесная заросль сменяется чащей кустов, открытым кочкарником тундры, лужами, мелкими озерами, ручьями, притоками, бегущими среди обрывистых берегов в большие водоемы. От берега такие уголья бездорожные, почти непролазные иногда отходят на сотни километров.

Кроме общеизвестных рек, гордо пересекающих географический чертеж голубыми извилинами, есть много рек, почти неведомых. Например Ивдель, Сосьва, Лозьва

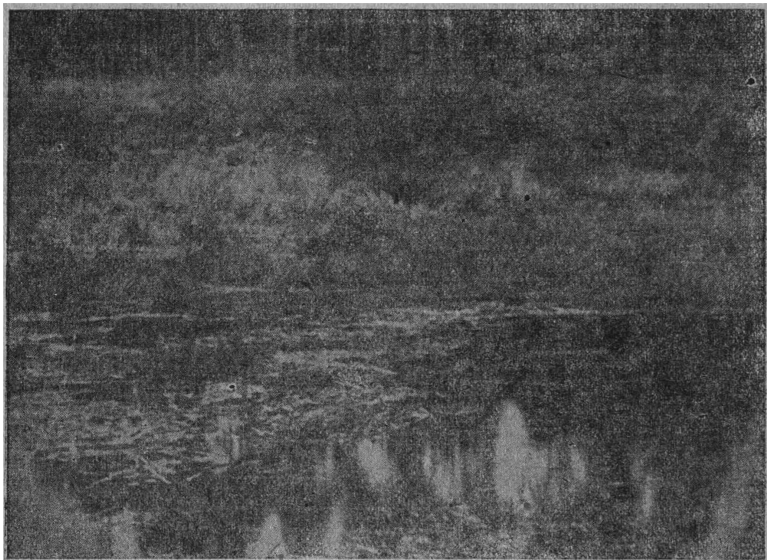
на картах изображаются тонкими хвостиками, часто не обозначены вовсе, а это огромные мощные потоки. Их волны также плещут избыток влаги в просторы диких лугов, прилегающих к их берегам почти неизмеримо.

Общая площадь болот в СССР 34.200.000 га, в том числе в Ленинградской области 625.000 га.

Напечатанная цифра при обозначении пространства говорит мало.

Например, что значит 200 кв. км болота?

Это очень трудно представить. На словах, сколько ни объясняй, не понять. Нет, ты пройди, увязая по колено

Ондатровый водоем осенью.

в грязи с утра до вечера десять дней подряд весной вдоль Онеги — тогда почувствуешь, без всяких объяснений навсегда запомнишь, вполне поймешь, что такое болотная топь по берегу северной реки, едва проснувшейся от зимнего сна.